

Всероссийская олимпиада школьников по русскому языку
Муниципальный этап

8 класс

Сделайте комплексный анализ текста

Михаил Павлович Коршунов

Две секунды света

1

Маяк стоит на скале. Внизу, под скалой, – море, а сзади – лиман.

В лимане ходят белые цапли на черных ногах. И маяк тоже, как цапля, белый с чёрными полосами.

Цапли живут в лимане, а маяк живёт на скале у моря.

Две секунды света, шесть секунд темноты. И так всю ночь.

Начальник маяка – Иван Алексеевич Гонтарь.

Каждый вечер он входит в дежурную комнату, где на столе лежит вахтенный журнал, висят таблицы восходов и закатов, громко постукивают большие часы с кодовым диском: они отмеряют секунды света и темноты.

Иван Алексеевич раскрывает вахтенный журнал и делает запись, когда был включен маяк. Поворачивает рукоятку, подаёт напряжение на лампу, и в море летят первые две секунды света.

Рано утром Иван Алексеевич снова приходит в дежурную комнату, поворачивает рукоятку – снимает напряжение с лампы. Отмечает в вахтенном журнале, когда маяк был выключен.

2

Вся жизнь. Ивана Алексеевича прошла на Голубицкой пересыпи, между Азовским морем и лиманом. Прошла на этом маяке.

Прежде, до войны, стоял маяк с керосинокалильной лампой. Возле неё надо было сидеть и чистить иглой, а то могла погаснуть.

Башня была высокой. Её раскачивало ветром. Сидишь чистишь лампу, а тебя раскачивает вместе с башней.

В защитную сетку попадали цапли с лимана. И нельзя было их спасти, уберечь.

В долгие ночи дежурств он занимался тем, что чинил сапоги, читал старые лоции или просто сидел и думал о своей жизни. А жизнь как-то не получилась: Мария, жена, ушла от него и забрала дочку, тогда совсем ещё маленькую.

Ушла ночью, когда он дежурил с иглой у керосинокалильной лампы. За Марией приехал на грузовике шофёр Дмитрий Катков. Работал он недалеко – в Терюке. Приехал и увёз её.

Иван Алексеевич даже и не услышал. И только утром узнал, когда погасил лампу и спустился с маяка.

Долго стоял в тот день на дороге, – всё надеялся: Мария вернётся.

Но она не вернулась. Прислала письмо, что ей надоели его вечные две секунды света и что она не может из-за них просидеть всю жизнь на Голубицкой пересыпи.

В вахтенном журнале Иван Алексеевич сделал запись: «28 сентября 1939 года. Мария Степановна Гонтарь, заместитель начальника Темрюковского ориентирного маяка, с работы уволилась и уехала совсем».

В вахтенный журнал положено записывать все, что происходит на маяке.

3

Войну Иван Алексеевич провёл здесь же, в этих местах. Маяк был погашен, а потом и вовсе разбит бомбами. И всё маячное хозяйство погорело и пропало.

Иван Алексеевич пошёл служить в пехоту. Участвовал в десанте на Керчь.

Видел крымские маяки. Он их знал по логиям. Они тоже были разрушены. Теперь на маяках стояли пушки: позиции, удобные для артиллерии.

На войне Иван Алексеевич был ранен в голову осколком.

После войны он снова вернулся на Голубицкую пересыпь. Надо было ставить маяк. С бригадой строителей поставил его, новый, современный, электрическая лампа, кодовые часы, аккумуляторы, динамо для подзарядки аккумуляторов.

И опять полетели в море две секунды света.

Письма ему не приходили: Мария больше не писала. Он знал, что из Темрюка она с Дмитрием Катковым перебралась в Ростов, а потом и ещё дальше – в Свердловск.

Он посылал дочери деньги. Сам посылал – Мария не требовала. Но однажды деньги из Свердловска возвратили с пометкой на бланке: адресат выбыл в неизвестном направлении. Долго тогда просидел с этим бланком на маяке. Как же так – в неизвестном направлении? Дочь ведь его...

4

...Он узнал, что дочь жива. И что все они живы, – и Мария, и Дмитрий Катков. Поселились в Челябинске.

Иван Алексеевич всё пытался представить себе дочь взрослой. Фотографию ему не присылали, а попросить стеснялся.

Помнилась она маленькой: ходила рядом, за палец держалась. Даже на маяк ни разу не поднялась: ступеньки были велики.

Иван Алексеевич не ждал писем, он ждал дочь. Может быть, ей когда-нибудь захочется приехать сюда, в те места, где родилась.

Теперь она взрослая, самостоятельная.

Однажды около маяка затормозил грузовик. Из кабины выпрыгнула девушка. Водитель подал ей небольшой чемодан.

Девушка поблагодарила водителя, и грузовик уехал.

Её увидела Валентина Фёдоровна, жена заместителя Ивана Алексеевича.

Пока девушка шла к воротам, Валентина Фёдоровна окликнула Ивана Алексеевича. Он был у себя дома.

Валентине Фёдоровне казалось, что именно Иван Алексеевич должен первым встретиться с этой девушкой. Услышать от неё первые слова.

Девушка нерешительно отодвинула створку низеньких ворот и вошла во двор маяка.

Иван Алексеевич остановился на веранде дома. Смотрел на девушку.

А девушка остановилась на дорожке, подняла голову и смотрела на маяк. Худенькая, гибкая, вся какая-то нездешняя. Платье – ситцевый колокольчик, туфли – как мухоморы: красные с белыми точками. В светлых коротких волосах – солнечные искры.

Иван Алексеевич почувствовал, что вдруг впервые за многие годы заныла раненая голова, точно накинута на голову обруч. Сдавили. И от этого не шелохнуться. Он смотрел на девушку, ждал, когда она подойдет, ждал её первых слов.

Она сказала, что ехала на попутном грузовике от Керченского пролива и увидела маяк. Она студентка. Была на практике на железнодорожном комбинате недалеко от Керчи, в степи.

Сейчас практика закончилась, и она убежала от всех ребят, переправилась на Тамань. Она всю жизнь мечтала пожить где-нибудь здесь, на маяке или у рыбаков.

Зовут ее Галя; потом улыбнулась и смущённо добавила: «Нет, Галка, так правильнее...»

Она просит разрешить ей остаться. Она заплатит за комнату. Она не будет нарушать порядок. Она...

Иван Алексеевич только сказал:

– Да, да, конечно, – повернулся и пошел в дом: совсем нехорошо сделалось с головой.

Девушка, растерянная, осталась у порога веранды.

К ней поспешила Валентина Фёдоровна. Взяла из рук чемодан:

– Идёмте, я вас устрою. Идёмте.

Дома Иван Алексеевич прилег на свою брезентовую раскладушку. Закрыв глаза – так легче для головы. Скорее спадёт обруч.

Сегодня Ивану Алексеевичу не нужно на маяк: сегодня дежурит его заместитель Черкашин.

И он пролежал один до темноты.

5

Галя, нет, Галка...

Иван Алексеевич увидел её на следующее утро. И опять она смотрела на маяк.

Маяк был давно погашен. Стёкла закрыты шторами.

Внизу, под скалой у моря, хлопал поршнями мотор: рыбаки готовили баркас, собирались на ловлю.

Скрипели деревянные створки бассейна, в котором хранится питьевая вода: Валентина Фёдоровна пришла за водой, будет поить Такелажа. Такелаж это лошадь. Она придана маячному хозяйству.

На ней ездят в станицу Голубицкую за продуктами и в Темрюк на базу за частями к аккумуляторным батареям и дизельному движку.

Галка увидела Ивана Алексеевича и несмело сказала:

– Здравствуйте.

Он кивнул ей, улыбнулся:

– Хотите подняться на маяк?

– Да. – Она тоже улыбнулась. – Очень хочу. Я никогда не была на маяке.

– А я всю жизнь прожил, – сказал Иван Алексеевич и подумал, зачем говорит это.

Иван Алексеевич отомкнул двери маяка, пропустил Галку вперёд.

Она вошла. Гладкий крашеный пол. Ни пятнышка, ни царапины. В углу коврик из камыша. Узкие, шириной в кирпич, окна. Крутая металлическая лестница. Ступеньки покрыты квадратами белого свежего полотна.

Галка хотела стать на коврик, вытереть туфли, но Иван Алексеевич сказал:

– Ничего. Бегите наверх.

И Галка побежала. Старалась не наступать на полотно, а с краю, где ступеньки открыты.

Лестница зазвенела под каблуками. Казалось, зазвенела и вся башня, пустая и прохладная.

Поднялся Иван Алексеевич. Галка смотрела куда-то в щель между шторами.

Иван Алексеевич дернул за канатик, раздвинул шторы.

Сразу к стёклам маяка пришёл синий размах моря, пришли километры жёлтого берега, лиман, солнце, тонкая скорлупа луны, оставшаяся от ночи.

Галка смотрела на все это. Не шевелилась.

Иван Алексеевич показал маленький домик на берегу и баркас.

– Рыбацкий стан. А вон дорога к Керченскому проливу. А ещё подальше тоже домик, видите?

– Да, вижу.

– Икорный завод.

– А что это в лодках по лиману везут?

– Траву с покосов. Покосы за лиманом.

– А вообще лиман, он тут почему?

– Недалеко в море впадает Кубань. От неё и лиман.

Вдруг Галка увидела цаплю.

– Аист! – закричала она.

– Нет. Это цапля.

– И вон ещё и ещё стоят!

– Да их много здесь.

– Цапли, – повторила она. – Я никогда не видела.

Иван Алексеевич сказал:

– Я пойду, а вы можете остаться наверху, на маяке.

– Долго можно?

– Сколько хотите. Ключ отнесёте Валентине Фёдоровне.

Он спустился с маяка и прошёл в дежурную комнату.

Достал вахтенный журнал: следовало сделать запись, что на маяке поселилась Галя, нет, Галка – так правильное.

6

Она играла с Такелажем, трясла дикие абрикосы жерделы, которые росли поблизости от маяка. Поливала с Валентиной Фёдоровной огород, познакомилась с рыбаками и водителями - водители ездили мимо на Темрюк и к переправе на Керчь. Убегала к лиману, к цаплям. Будешь сидеть у лимана тихо – цапли подойдут близко.

Иван Алексеевич видел, как она сидела так тихо.

Плыли лодки, везли траву. Иногда казалось, плывут зелёные стога. Всплескивалась рыба, раскидывала брызги. Качались под ветром тростники.

Галка сидела, обхватив руками колени и положив на них подбородок. Наблюдала за всем этим. А потом вдруг убегала к морю. По пути отвязывала Такелажа, и он скакал за ней.

Она любила бродить вдоль прибойя. Шумели волны, рыжие от ракушек. Застыли лиловые заборы колючек. Когда прибой утихнет, лиловые заборы поседеют от соли, а на них останутся ракушки. Будут лежать, пока не просохнут и ветер не стряхнет на землю.

Скачут кузнечики здесь же, недалеко от воды. Они рыжие, и похоже, что это скачут ракушки.

Возле рыбачьего стана торчит из песка якорь. К нему рыбаки привязывают баркас. И баркас стоит так, причаленный к якорю.

А потом Галка купалась. Уплывала далеко.

Такелаж ждал её. Стоял возле платья и трусиков, потихоньку дремал.

Нигде никого – только Галка в море и Такелаж на берегу.

Но чаще всего Галка приходила на маяк. Снимала туфли и поднималась босиком по свежим квадратам полотна.

Она раздвигала шторы, впускала к себе сразу всё – и море, и лиман, и жёлтый берег, и солнце, и тонкую скорлупу луны. Устраивалась за маленьким деревянным столом. Открывала книгу, которую приносила с собой, – старую лоцию. Её давал Галке Иван Алексеевич. Единственное, что сохранилось у него от прежнего, разбитого бомбами маяка.

Читала до тех пор, пока не окликала Валентина Фёдоровна – звала обедать.

Вечерами Галка ждала первой вспышки маяка, первых двух секунд света, как они полетят в море. Захватят крышу дома, верхушки жердел и часть берега до самой воды, где причален к якорю баркас.

Всю ночь баркас будет вспыхивать и гаснуть. Всю ночь будут вспыхивать и гаснуть крыша дома и верхушки жердел.

А в тишине – стук часов с кодовым диском, редкий ночной крик цапель.

Галка ездила с Иваном Алексеевичем на склад за горючим для движка.

Выкатывали из сарая повозку и запрягали Такелажа. Галка сама запрягала – училась.

Такелаж выходил за ворота и поворачивал налево: знал, куда и зачем ехать. Взяли железную бочку – значит, в Темрюк на склад за горючим.

Обязательно останавливались возле жердел: с повозки можно достать самые спелые. Галка срывала их и потом ела всю дорогу.

Даже Иван Алексеевич ел – Галка уговаривала.

В Темрюке получали горючее и потом возвращались обратно.

Галка помогала Ивану Алексеевичу и его заместителю Черкашину доливать аккумуляторы, очищать от пыли штормовые стекла и направляющие линзы маяка. Проверять ацетиленовый фонарь. Подметала полы, стирала белые квадраты полотна и развешивала сушиться на лиловых заборах колючек.

7

Этот молодой паренёк приехал на попутном грузовике со стороны Керченского пролива. Оттуда, откуда приехала и Галка.

Галка была во дворе, набирала из бассейна воду, чтобы напоить Такелажа.

Сразу увидела паренька.

– Нашёл! – закричала она, бросила ведро и побежала навстречу.

Паренёк обнял её.

– Как же ты нашёл? – не успокаивалась Галка.

– А вот. – И паренёк показал на водителя, который высунулся из кабины и помахал Галке рукой. – Он сказал ещё на переправе, что живет такая, похожая, на маяке. На Темрюкском. А я знал, что ты где-то здесь. Знал. Вот.

– Нашел!.. – шептала Галка, прижимаясь к нему.

Паренёк тихонько гладил её светлые волосы. Молчал.

Брошенное ведро одиноко валялось посередине двора.

Утром Галка уехала с тем пареньком, который её здесь нашёл.

Иван Алексеевич долго стоял на дороге.

1963